

Ф. Мартинес де ла Роса и генезис либерального консерватизма в Испании в первой половине XIX века

Генезис либерального консерватизма – один из наиболее сложных вопросов в генезисе консерватизма вообще, не только испанского. Имея изначально англо-саксонское и французское происхождение (сам Э. Бёрк и французские «либеральные доктринеры» во главе с Ройе-Колларом) либеральный консерватизм как политическая идеология утверждается в Испании с огромными трудностями, производными в целом от успехов и неуспехов либерально-буржуазной модернизации; динамика же его развития напрямую связана с утверждением Нового – либерально-буржуазного – порядка. Отсюда производны и три тесно связанные между собой концептуально-методологические проблемы, определившие специфику испанского либерального консерватизма как политической идеологии и политической практики на генетическом этапе его развития:

1. Заимствованная у британско-французского Просвещения XVII-XVIII вв. либеральная идейно-ценностная составляющая.

2. Сложности с однозначным определением политико-идеологической идентичности испанских либеральных консерваторов и, отсюда, неопределенное количество их вариаций, производное от яркого персонализма представителей.

3. Неразрывная связь и взаимная обусловленность двух начал – политической идеологии и политической практики.

В наибольшей степени оригинальный характер испанского либерализма, включая испанское Просвещение XVIII в. как предшествующий ему этап, отрицали такие титаны испанской политической философии, как традиционалист М. Менендес-и-Пелайо и либеральный консерватор Х. Ортега-и-Гассет, а также бескомпромиссный критик консерватизма вообще К. Маркс. Далее всех в этом вопросе пошел ученик Ортеги-и-Гассета, выдающийся испанский историк и эссеист, считающийся главной фигурой в испанской историографии второй половины XX в. вообще, Х.А. Мараваль Касесновес. В своей многотомной работе «История испанского мышления» Мараваль утверждает, что испанское Просвещение было вторичным по отношению не только к британо-французскому, но и немецкому, итальянскому и даже голландскому. Определенным противовесом данным авторитетам служат лишь некоторые представители Саламанкской школы XVI века; однако даже они, будучи далекими провозвестниками общеевропейского либерализма, формировались в жестком противостоянии католицизма и протестантизмом, т.е. работали не столько на либерально-

буржуазную инновацию, сколько на трансформирующуюся средневековую традицию.

В итоге получается, что испанские либеральные консерваторы изначально испытывали влияние сразу с двух сторон: не только слева (со стороны классического британо-французского либерализма), но и справа (со стороны средневекового традиционализма). Отсюда у них производны и широчайшие возможности для различного рода эклектического синтеза либеральных и традиционалистских идей, поскольку, как пишет выдающийся испанский традиционалист XX в. Ф. Суарес Вердегер, «[в XIX веке – Ю.В.] либералы претендовали на продвижение своих инноваций под зонтиком традиционных испанских законов»¹. Яркая же личностная индивидуальность большинства представителей испанского либерального консерватизма, а также подвижность их идей и непоследовательность политических действий в силу приверженности определенной конъюнктуре, порождают, как сказал бы П. Рикёр, «конфликт интерпретаций». Отсюда внешние идейно-ценностные границы испанского либерального консерватизма мы предлагаем определять посредством предлога «между»: как располагающиеся на политико-идеологическом спектре между либерализмом и традиционализмом; внутренних же – огромное множество.

Тот факт, что выдающийся испанский традиционалист середины XIX в. Х.Л. Бальмес-и-Урпия адекватность подобного подхода отрицал в принципе, утверждая, что «в Испании *нет середины между* католической религией и безбожием»², только доказывает, на наш взгляд, его реальную возможность; иначе зачем было обращать столь пристальное внимание на подобную «середину между», если она не имела никакого места в тогдашней испанской политике? Как католический традиционалист Бальмес негативно реагирует на формирующуюся в Испании политическую инновацию, но одновременно, будучи выдающимся интеллектуалом своего времени, прямо указывает на ее существование.

Как представляется, благодаря предлогу «между» мы можем показать сложный и противоречивый характер процесса обретения испанскими либеральными консерваторами собственной и неповторимой политико-идеологической идентичности. Похожие концептуально-методологические решения мы можем найти и в трудах видных испанских историков и философов XX-XXI вв.; причем, как левых (социал-демократы Х. Олабаррия Агра и Х. Про Руис), так и правых (традиционалист С. Галиндо Эрреро и либеральные консерваторы К. Секо Серрано и Г. Буэно Мартинес).

Неразрывная связь и взаимная обусловленность политической идеологии и политической практики была характерна для большинства испанских либеральных консерваторов, поскольку они – в отличие от традиционалистов – предпочитали не только излагать свои идеи в сочинениях, но и

¹ Suárez Verdeguer F. Introducción a Donoso Cortés. Madrid, 1964. P. 20.

² Balmes J. La religiosidad de la nación española // Balmes J. Escritos políticos. Barcelona, 1925. T. II: Caída de Espartero (mayo de 1842 – enero de 1844). P. 41.

воплощать их на практике, поскольку, как пишет Суарес Вердегер, либерально-консервативное крыло партии «модерадос» «состояло из аристократии и богатеющей буржуазии; они были “просветителями”, бюрократами и придворными»³. Насколько успешно у них это получалось – вопрос другой.

В этом контексте фигура выдающегося испанского политического идеолога и политического практика Ф. Мартинеса де ла Росы является идеально-типической. Будучи почти на всем протяжении своей политической карьеры главой центристской фракции либерально-консервативного крыла партии «модерадос», Мартинес вошел в историю еще и как автор 10-томного сочинения «Дух века», которое он писал на протяжении нескольких десятилетий в 1820-е – 1850-е гг. Как пишет Секо Серрано: «Выражения “золотая середина” и “дух века” являются типичными для политического вокабулярия Мартинеса де ла Роса»⁴.

В данном сочинении Мартинес де ла Роса, во-первых, адаптировал либеральное идейно-ценностное наследие британо-французского Просвещения XVII-XVIII вв. к социально-политическим реалиям традиционной Испании, находящейся лишь на самом начальном этапе либерально-буржуазной модернизации с упором на первое (отсюда и «Дух века» – это «Дух свободы»); и, во-вторых, на основе этого постарался доказать концептуальную и практическую реалистичность эклектического синтеза британо-французского либерализма и испанского традиционализма, заняв центристскую позицию между ними как двумя «реакционными партиями».

Выдающийся испанский историк XX в., ученик Ортеги-и-Гассета, Л. Диес дель Корраль подвел под «Духом века» следующий баланс: «Мартинес де ла Роса является мыслителем с небольшими способностями, который легко позволяет себе увлечься литературными упражнениями. Однако, помимо внутренней ценности политических идей книги, ее важность базируется на том, что по сравнению с предыдущей испанской политической литературой в ней отмечаются новые ориентации, открывающие более умеренные горизонты испанского либерализма»⁵.

Так или иначе, «Дух века» Мартинеса де ла Росы с его типичной для либерального консерватизма идеей, нацеленной на «гармонизацию Свободы и Порядка», становится одним из наиболее значимых источников для изучения истории политического мышления XIX в. Отсюда вполне закономерным оказывается и тот факт, что в 1836-1837 гг. доктринальную логику «Духа века» для своих «Лекций по политическому праву» в мадридском «Атенео» избирает и Хуан Доносо Кортес, находящийся в середине 1830-х гг. на либерально-консервативном этапе своей идейно-ценностной эволюции.

³ Suárez Verdeguer F. Introducción a Donoso Cortés. P. 24.

⁴ Seco Serrano C. Triptico carlista. Estudios sobre historia del carlismo. Barcelona, 1973. P. 11.

⁵ Díez del Corral L. El liberalismo doctrinario. Madrid, 1973. P. 510 (курсив наш).